A 157/189

АВСТРАЛІЯ и АВСТРАЛІЙЦЫ

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

(ВЪ ОКЕАНІИ)

СОЧИНЕНІЕ

Д. А. Коропчевскаго

ИЗДАНІЕ „НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ БИБЛІОТЕКИ"

В. Н. Маракуева

МОСКВА—1889.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

„НАРОДНОЙ БИБЛІОТЕКИ“

Москва, Петровскія Линіи, № 15.

Дешевыя изданія „Народной библіотеки“.

1 **Букварь**, ц. 2 к., (сотнями 1 р.).
2 **Толстого Л. Н.** Чѣмъ люди живы, разсказъ ц. 5 к.
3 **Толстого Л. Н.** Богъ правду видитъ, разсказъ ц. 3 к.
4 **Толстого Л. Н.** Кавказскій плѣнникъ, разсказъ, ц. 5 к.
5 **Андерсена** сказки, съ картин. 1 вып. ц. 3 к.
6 Тоже вып. 2, ц. 3 к.; тоже вып. 3, ц. 3 к.
7 Тоже вып. 4, ц. 3 к.
8 „ „ 5, ц. 3 к.
9 „ „ 6, ц. 3 к.
10 „ „ 7, ц. 6 к.
11 **Разсказы стараго матроса**, 1 вып., ц. 5 к.
12 Тоже, вып. 2, ц. 5 к.
13 „ „ 3, ц. 5 к.
14 **Сельское огородничество**. 3-е изд., одобрен. Учен. Ком. Минист. Нар. Просв. и Учебн. Ком. при Свят. Синодѣ, ц. 10 к.
15 **Индійскія повѣсти**. вып. I. Наль и Дамаянти, ц. 10 к.
16 Тоже, вып. 2 Сакунтала, или узнанная по кольцу, ц. 8 к.
17 **Г. Флобера**, Юліанъ Милостивый, ц. 8 к.
18 **Арабскія сказки** съ картинами, ц. 15 к.
19 **Послѣдній изъ Могиканъ**, ц. 12 к.
20 **Эдгаръ По**, Золотой жукъ, ц. 10 к.
21 **Русскія народныя сказки**, вып. 1, ц. 5 к.
22 **Русскія сказки**, вып. 2, ц. 5 к.
23 Тоже вып. 3, ц. 6 к.
24 **Малороссійскіе разсказы**, (юмористич.) для народа, ц. 3 к.
25 **Полѣсье и Полѣшуки**. Чтеніе для школъ, ц. 15 к.
26 **Робинзонъ**. Изъ „Ясной Поляны“ съ карт., ц. 10 к.
27 **Ночь подъ Рождество**, ц. 5 к.
28 **Иродіада**, ц. 8 к.
29 **Иванъ Гусъ**, ц. 5 к.
30 **Хижина Дяди Тома** съ картинк., ц. 15 к.
31 **Объяснительный словарь** иностранныхъ словъ, 2-е изд., ц. 8 к.
32 **Маракуева В. Н.** „Рѣчь о школьныхъ библіотекахъ“, ц. 5 к.
33 **Ѳедоръ Коробейникъ**, ц. 3. к.
34 **Смерть пьяницы**, разсказъ Диккенса, ц. 3 к.
35 **Мальчикъ Геркулесъ**, (случай въ американскомъ циркѣ), ц. 5 к.
36 **Кириллъ и Меѳодій**, первоучители Славянъ, ц. 6 к.

АВСТРАЛІЯ и АВСТРАЛІЙЦЫ

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

(ВЪ ОКЕАНІИ)

СОЧИНЕНІЕ

Д. А. Коропчевскаго

ГЕОЛ. БИБЛІОТ.
4908-О

ИЗДАНІЕ „НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ БИБЛІОТЕКИ“

В. Н. Маракуева

МОСКВА—1889.

2010512616

бря 1888 г.

а, Бригадирскій переулокъ,

ВЪ ОКЕАНІИ

ВЪ ОКЕАНІИ.

ГЛАВА I.

Океанія.—Австралія.—Изслѣдователи Австраліи.—Фигура ея.—Ея естественныя условія.—Бѣдность растительнаго и животнаго міра.—Человѣкъ въ Австраліи.—Австралійская раса.—Различія физическаго типа.

Громадное пространство Великаго и Тихаго океановъ, между западнымъ берегомъ Америки и восточнымъ берегомъ Азіи, усѣяно множествомъ острововъ, обширныхъ и мелкихъ, лежащихъ отдѣльно и группами. Со стороны Америки, они примыкаютъ къ Галапагосскимъ островамъ, а со стороны Азіи къ островамъ Малайскаго архипелага. Между ними мы находимъ материкъ (Австралію), физіономія котораго въ настоящее время старѣе всѣхъ другихъ материковъ: онъ остался безъ измѣненія, между тѣмъ, какъ другіе материки пережили два геологическихъ превращенія. Наоборотъ, другіе острова Океаніи еще и теперь находятся въ періодѣ своего образованія, благодаря дѣйствію вулканическихъ силъ,

поднимающихъ или опускающихъ ихъ, и органическихъ силъ природы, заставляющихъ слизняковъ выстраивать громадныя постройки, служащія мѣстомъ обитанія для многочисленныхъ человѣческихъ группъ. Многіе изъ этихъ острововъ состоятъ изъ такъ называемыхъ коралловыхъ рифовъ и мадрепоровыхъ известняковъ. Весь громадный островной міръ, о которомъ мы говоримъ, географія обозначаетъ общимъ именемъ Океаніи, подраздѣляя ее на Меланезію, куда она включаетъ и Австралію, на Полинезію и Микронезію.

Обширнѣйшій изъ описываемыхъ острововъ, Австралія, по величинѣ равный $^3/_4$ Европы, по праву считается пятымъ материкомъ земного шара. До XVI вѣка онъ вовсе не былъ извѣстенъ европейцамъ; въ первой половинѣ этого столѣтія его открыли французы, но ихъ открытіемъ воспользовались голландцы, давшіе новой части свѣта названіе Новой Голландіи. Однако, и голландцы не оцѣнили вполнѣ торговаго и экономическаго значенія вновь открытаго материка. Это уже сдѣлали англичане въ XVII вѣкѣ, послѣ перваго путешествія Кука. Они стали ссылать туда преступниковъ, и понемногу изъ ссыльныхъ поселеній выросла теперешняя обширная колонизація Австраліи. Колонизація шла съ изумительной быстротой. Еще въ 1788 году вновь основанная колонія Сидней состояла изъ 30000 человѣкъ; въ настоящее время въ ней насчитывается болѣе 300000. Какъ всегда, въ началѣ колонизація распространялась по берегамъ моря, мало проникая внутрь страны. Внутренняя часть материка и до сихъ поръ еще не вполнѣ изучена. Между экспедиціями для изслѣдованія ея, зна-

ряжавшимися по преимуществу англійскимъ правительствомъ, должно упомянуть объ изслѣдованіяхъ Окслэя въ 1817 г., Стурта въ 1830 г., Эйра 1840—41 гг., Лейхарда въ 1844—45 гг., Митчеля въ 1846 г., открывшаго рѣку Дарлингъ, и далѣе другихъ углубившагося внутрь материка, братьевъ Грегори, въ томъ же году объѣхавшихъ значительную часть юго-западной Австраліи, Остеня въ 1854 г. и братьевъ Демпетеръ въ 1861 г. Еще болѣе извѣстны путешествія Стюарта въ 1860 г., проѣхавшаго весь материкъ отъ южнаго берега до Тихаго океапа, захвативъ и средину его; путешествіе Борка въ 1861 г., погибшаго въ концѣ своего пути, въ память чего ему воздвигнута статуя въ Мельбурнѣ, и путешествіе полковника Уарбертона въ 1873 г., посѣтившаго неизслѣдованныя до тѣхъ поръ мѣстности западной и средней части материка.

Позднее открытіе Австраліи можетъ быть объяснено тѣмъ, что европейскіе мореплаватели не могли получить отъ обитателей близкой къ ней южной оконечности Азіи какихъ либо свѣдѣній объ этомъ материкѣ. Малайцы, заселявшіе названную оконечность Азіи и издавна предпринимавшіе отдаленныя морскія поѣздки, достигавшіе даже до Мадагаскара и заселившіе цѣлыя группы острововъ Океаніи, легко могли бы добраться до Австраліи и устроить на ней свои поселенія. Есть признаки, что они бывали на ней, но, вѣроятно, случайно и не находили никакой выгоды оставаться тамъ. Должно было пройти много лѣтъ прежде, чѣмъ Австралія понадобилась европейцамъ для поселенія тамъ преступниковъ и отбросовъ своего общества.

Если мы видѣли, что изолированность Африки во многомъ зависѣла отъ очертанія ея береговъ, то въ еще болѣе значительной степени, тоже самое можно сказать объ Австраліи. Очертаніе ея береговъ ближе другихъ частей свѣта подходитъ къ невыгодной формѣ круга. Только въ двухъ мѣстахъ обнаруживаетъ она небольшія расчлененія—полуостровъ Карпентарія и островъ Тасманію. Какъ ни недостаточны эти расчлененія,—и они оказали свое полезное дѣйствіе: именно, полуостровъ Карпентарія до послѣдняго времени оставался единственнымъ органомъ, посредствомъ котораго Австралія поддерживала хотя нѣкоторыя сношенія съ культурой. Къ уединенному положенію Австраліи внѣ культурныхъ путей, къ неудачному очертанію ея береговъ, препятствующему развитію мореплаванія, слѣдуетъ присоединить еще и ея бѣдность въ отношеніи выпуклости. Ни одна часть свѣта не представляетъ такого невыгоднаго рельефа, какъ Австралія. Ея важнѣйшія возвышенности, ея Альпы находятся въ самомъ пустынномъ углу материка; вслѣдствіе того, ея единственная рѣчная система, удобная для судоходства, достигаетъ наибольшаго развитія на той сторонѣ, которая всего болѣе удалена отъ культурныхъ областей Стараго свѣта. Кромѣ того, наиболѣе крупныя возвышенности Австраліи или, лучше сказать, крутизны ея восточнаго берега приносятъ вредъ прилегающей къ морю части материка: онѣ преграждаютъ путь влажнымъ пассатнымъ вѣтрамъ, которые достигаютъ лежащихъ далѣе равнинъ уже почти сухими.

Мы знаемъ теперь, что въ Австраліи нѣтъ безплод-

ныхъ пустынь, напоминающихъ Сахару; путешественники говорятъ намъ о сильныхъ, хотя и кратковременныхъ дождяхъ, даже и внутри страны. Однако, за сильнымъ выдѣленіемъ влаги слѣдуетъ обыкновенно быстрое испареніе ея, и послѣ наводненія, превращающаго страну въ озеро, на которомъ холмы и деревья кажутся островками, черезъ нѣсколько недѣль почва уже совершенно суха. Вслѣдствіе неправильнаго распредѣленія влаги, Австралія является травянистой страной, съ отдѣльно растущими или осѣняющими воды деревьями и съ обширными пространствами, заросшими кустарникомъ. Древесная флора Австраліи состоитъ изъ безлиственныхъ мимозъ, синеватозеленыхъ миртъ и протеевыхъ, съ ихъ иглистыми бѣловатыми листьями. Тамъ, гдѣ во всѣхъ другихъ частяхъ свѣта, а именно подъ тропиками, мы находимъ громадные лѣса, Австралія не только лишена подобныхъ лѣсовъ, но и крупныхъ тѣнистыхъ деревьевъ. Кокосовая пальма почти вовсе отсутствуетъ въ ней. Изъ полезныхъ человѣку растеній, новѣйшія изслѣдованія указали лишь бобовое растеніе и злаки.

Подъ вѣчно голубымъ небомъ, Австралія представляетъ безконечно тянущіяся луговыя пространства. На восточной и юговосточной окраинѣ, гористыя мѣстности выказываютъ разнообразные, иногда живописные пейзажи. Подвигаясь оттуда къ центру, за травянистыми равнинами слѣдуютъ безплодныя пространства, покрытыя кустарниками и иглистыми деревьями; тамъ нѣтъ ни рѣкъ, ни озеръ, и только на рѣдкихъ оазисахъ просачивается вода, поддерживая зелень. Еще далѣе, въ

срединѣ материка, встрѣчаются мѣстности, выжженныя солнцемъ и засыпанныя песками, или заросшія колючими растеніями, затрудняющими движеніе лошадей. Затѣмъ скалистыя, невысокія горы, раздѣляемыя долинами, красиво открывающимися къ берегу, чередуются съ лугами, усѣянными мимозами, и пустынными пространствами, покрытыми бѣлыми камнями и гранитомъ. Мѣстами древовидные папоротники составляютъ обширныя поросли, съ темными, прямыми стволами и свѣтлою зеленью своихъ нѣжныхъ листьевъ. Растущій въ Австраліи эйкалиптусъ достигаетъ иногда 25 сажень высоты, а стволъ его бываетъ отъ 2 до $2^1/_2$ сажень въ поперечникѣ; путешественники упоминаютъ объ эйкалиптусахъ еще большей высоты. Въ австралійскихъ лѣсахъ движеніе затрудняется иглистыми акаціями и ползучими растеніями. Берега рѣкъ съ обѣихъ сторонъ обыкновенно густо усажены бѣлыми камедевыми деревьями и мимозами, составляющими непрерывную ограду. Въ этихъ мѣстахъ растетъ австралійская лилія съ сердцевидными листьями, почти въ футъ длиною, и ярко розовыми цвѣтами, по формѣ похожими на тюльпанъ и достигающими шести дюймовъ въ діаметрѣ.

Какъ мы видимъ, Австралія лишена большихъ плодовыхъ деревьевъ, столь полезныхъ для человѣка и имѣющихъ особенно важное значеніе для него, когда онъ находится еще въ дикомъ состояніи, давая ему готовую пищу. Породы деревьевъ въ Австраліи не даютъ и достаточнаго пріюта человѣку, доставляя слишкомъ мало тѣни: листья ихъ рѣдки и по большей части обращены къ солнцу не плоской поверхностью, а ребромъ.

И лѣса, и луга Австраліи одинаково лишены крупныхъ млекопитающихъ, которыя могли бы быть приручены человѣкомъ. Соотвѣтственно тому, въ ней нѣтъ и хищныхъ животныхъ. Фауна ея млекопитающихъ ограничивается низшими животными этого класса, давно уже вымершими въ другихъ частяхъ свѣта. Это—однопроходныя (утконосъ и эхидна) и сумчатыя (кенгуру и опоссумъ). Самое крупное изъ нихъ, кенгуру, достигаетъ 6 футовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они попадаются во множествѣ, и колонисты усиленно истребляютъ ихъ, чтобы сохранить пастбища для скота. Кенгуру, прыгающіе на своихъ длинныхъ заднихъ ногахъ, придаютъ своеобразный видъ луговымъ пространствамъ Австраліи. Съ ними весьма сходны валлаби, которые мельче ихъ. Кромѣ того, тамъ водятся опоссумы и вомбаты, по своему строенію нѣсколько похожіе на барсуковъ, хотя меньшей величины. Изъ хищныхъ животныхъ Австраліи свойственны только „динго“, нѣчто среднее между собакой и шакаломъ. Они не умѣютъ лаять и отчасти приручены туземцами для охоты.

На травянистыхъ пространствахъ Австраліи можно видѣть и весьма оригинальную птицу, исключительно свойственную этой части свѣта, а именно эму или австралійскаго казуара, не могущаго летать, но на бѣгу перегоняющаго лошадь. Перья его мало имѣютъ сходства съ перьями страуса, котораго онъ напоминаетъ строеніемъ и размѣромъ, и скорѣе походятъ на толстые волосы. Характеренъ для Австраліи также черный лебедь. Изъ птицъ, употребляемыхъ въ пищу, тамъ можно найти еще нѣсколько разнообразныхъ породъ

голубей, изъ которыхъ выдается голубь съ золотистыми крыльями. Австралійскіе лѣса оживляются криками розовыхъ и черныхъ какаду и разноцвѣтныхъ попугаевъ. На водныхъ пространствахъ ея можно видѣть пеликановъ, гусей, утокъ, цаплей и др. Изъ хищныхъ птицъ тамъ встрѣчаются особыя породы орла и сокола. Иногда пустынные берега Австраліи бываютъ покрыты птицами въ огромномъ количествѣ. У морскихъ береговъ ея попадаются крупныя ластоногія. Изъ пресмыкающихся тамъ водятся змѣи, изъ которыхъ два вида очень ядовиты, и лягушки. Въ сырое время года обитателей мучатъ мустики.

Древесная флора и фауна млекопитающихъ Австраліи показываютъ, что материкъ ея въ очень давнее время былъ отдѣленъ отъ Стараго свѣта и остался съ своимъ устарѣлымъ характеромъ, характеромъ материка третичной эпохи. Въ то время, какъ въ сосѣдней Азіи мы находимъ обширное развитіе высшихъ млекопитающихъ—обезьянъ и полуобезьянъ, копытныхъ и хищныхъ, Австралія не представляетъ ничего, кромѣ однопроходныхъ и сумчатыхъ, давно уже вытѣсненныхъ на другихъ материкахъ болѣе совершенными формами. Отсутствіе крупныхъ и опасныхъ животныхъ было не выгодно для Австраліи; оно устраняло энергичную борьбу за существованіе, полезную въ смыслѣ воспитанія энергіи не только для животныхъ, но и для человѣка. Еще невыгоднѣе было отсутствіе копытныхъ и другихъ животныхъ, поддающихся прирученію. За исключеніемъ собаки, австраліецъ не имѣлъ возможности приручить ни одного изъ животныхъ, окружав-

шихъ его. Повидимому, для одомашненія нужна извѣстная степень умственнаго развитія, котораго не доставало двуутробкамъ. Австралія, какъ будто созданная для разведенія овецъ, рогатаго скота, лошадей и верблюдовъ, была лишена ихъ, за неимѣніемъ сообщенія съ Азіей. Такимъ образомъ, о ней можно сказать, что она островъ безъ преимущества островного климата, богатая кормомъ степная страна безъ степныхъ копытныхъ животныхъ, страна островного покоя, т. е. вялой борьбы за существованіе, вслѣдствіе того явившаяся убѣжищемъ для флоры и фауны давно прошедшаго времени. Въ сравненіи съ высокоразвитыми млекопитающими Стараго свѣта, животныя Австраліи производятъ впечатлѣніе движущихся ископаемыхъ.

Среди этой устарѣлой, не развившейся природы, живетъ совершенно особая человѣческая раса, не сходная ни съ одной изъ тѣхъ, которыя населяютъ острова Великаго океана. Англійскій ученый Уоллесъ считаетъ австралійцевъ остаткомъ самой первобытной человѣческой расы, которая также относится къ другимъ расамъ, какъ фауна Австраліи къ фаунѣ сосѣднихъ странъ. Онъ полагаетъ, что изъ другихъ мѣстъ своего прежняго обитанія эта раса повсюду уже вытѣснена и, кромѣ Австраліи, остатки ея можно найти лишь въ дикихъ горныхъ обитателяхъ центральной Индіи, схожихъ съ австралійцами по наружности и по языку. Нѣкогда, въ очень давнія времена она должна была перейти въ Австралію изъ Новой Гвинеи, откуда, вѣроятно, была вытѣснена болѣе сильной папуасской расой. Она только и могла попасть туда изъ Новой

Гвинеи, такъ какъ при несклонности австралійцевъ къ мореплаванію, они могли перебраться лишь черезъ неглубокій Торресовъ проливъ. Весьма возможно, что въ то время онъ еще вовсе не существовалъ, и Австралія была соединена съ Новой Гвинеей сухимъ путемъ. На самомъ дѣлѣ, глубина Торресова пролива нигдѣ не превышаетъ 10 сажень, а уже въ историческое время мы знаемъ болѣе значительныя опущенія морскихъ береговъ. На Новой Гвинеѣ мы не находимъ никакихъ слѣдовъ австралійскаго типа; слѣдовательно, послѣдній долженъ былъ тамъ или совершенно исчезнуть, или слиться съ папуасскимъ типомъ.

Австралійскія племена выказываютъ рѣзкія различія наружнаго вида и культурности. Физическое и умственное развитіе ихъ вообще понижается отъ сѣвера къ югу и отъ востока къ западу. Такое явленіе объясняется и вліяніемъ папуассовъ и малайцевъ, и существованіемъ въ Австраліи двухъ особыхъ расъ. Однако, папуасское и малайское вліяніе было слишкомъ незначительно, такъ какъ оно не оставило замѣтныхъ слѣдовъ ни въ физическомъ типѣ, ни въ культурѣ австралійцевъ. Что же касается отдѣльныхъ расъ, предполагаемые представители ихъ связаны между собою такимъ множествомъ неуловимыхъ переходовъ, что опредѣлить ясно ихъ границы не оказывается возможнымъ. Слѣдовательно, пока болѣе точныя изысканія не разъяснили вопроса о видоизмѣненіяхъ австралійскаго типа, мы имѣемъ право признавать австралійцевъ за одну расу и разсматривать ихъ во всей ихъ совокупности.

ГЛАВА II.

Физическіе признаки австралійцевъ.—Ихъ разнообразіе.—Типическія описанія.—Одежда и жилища.—Пища.—Приготовленіе и отыскиваніе ея.—Охота.—Охотничье оружіе.—Хозяйственныя орудія.

Затрудненіе, при установленіи типическихъ особенностей дикихъ народовъ, кромѣ естественнаго разнообразія, свойственнаго всѣмъ человѣческимъ расамъ (что̀ каждый можетъ наблюдать среди своихъ соотечественниковъ), заключается еще въ неточности и сбивчивости описаній путешественниковъ, не подготовленныхъ научнымъ образомъ къ наблюденіямъ естественно-историческаго характера. Весьма часто они довольствуются случайнымъ, поверхностнымъ впечатлѣніемъ и обобщаютъ индивидуальные, исключительные признаки. Даже такія бросающіяся въ глаза и легко поддающіяся изображенію особенности, какъ форма волосъ у однихъ и тѣхъ же племенъ, описываются совершенно различно. Тамъ, гдѣ одни наблюдатели видѣли только шерстистые волосы, другіе находили исключительно курчавые, а третьи даже гладкіе.

Трудно найти въ описаніяхъ другихъ расъ столько сбивчивости и противорѣчій, сколько мы встрѣчаемъ въ

описаніяхъ австралійцевъ. Они изображаются на сѣверо-западѣ материка сильными, стройными, почти атлетическими людьми, съ хорошо развитыми конечностями, которыя казались европейцамъ только слишкомъ длинными и тонкими. Но у нѣкоторыхъ индивидуумовъ конечности были весьма пропорціональны, голова менѣе длинна и объемиста и цвѣтъ кожи свѣтло-бронзовый. На востокъ отъ полуострова Кобурга было найдено некрасивое, малорослое племя, съ маленькими глазами, густыми курчавыми волосами на головѣ и лицѣ и волосистымъ тѣломъ. Наоборотъ, на югъ отъ того же полуострова были замѣчены люди съ прямыми шелковистыми волосами, выгнутыми бровями, нѣсколько косо поставленными глазами и свѣтлымъ цвѣтомъ кожи. Подобный же типъ встрѣчается и на сѣверо-западномъ берегу, слѣдовательно, происхожденіе его не можетъ быть объяснено смѣшеніемъ съ полинезійцами, такъ какъ послѣдніе не могли приставать къ упомянутому берегу. На югѣ отъ порта Эссингтонъ мы слышимъ о типѣ съ кудрявыми волосами и „интелигентнымъ“ выраженіемъ лица. О туземцахъ на юго-западъ отъ залива Карпентарія намъ говорятъ, что они приближаются болѣе къ малайскому, нежели къ южно-австралійскому типу: у нихъ не замѣчается ни широкихъ носовъ, ни толстыхъ губъ, ни густыхъ бровей; они мускулисты и хорошо сложены. О темныхъ обитателяхъ полуострова Іорка разсказываютъ, что они отчасти тощіе, жалкіе на видъ люди, отчасти же, въ особенности племена внутри полуострова, сильны, хорошо развиты и достигаютъ шести футовъ роста. Обитатели острова

принца Уэльскаго отличаются отъ обитателей мыса Іорка и подходятъ ближе къ южному и западному типу. Кукъ говоритъ о туземцахъ восточнаго берега, что они средняго роста, довольно стройны, съ гибкими членами, пріятными чертами лица, живыми глазами, скорѣе римскимъ, нежели приплюснутымъ носомъ и цвѣтомъ кожи, колеблющимся между бронзовымъ и чернымъ. Въ лѣсахъ около Гауксберри одинъ изъ путешественниковъ (Пероне) видѣлъ людей съ непомѣрно длинными конечностями, а другой (Коллинсъ) даже видѣлъ тамъ человѣка, напоминавшаго орангутанга: онъ былъ весь покрытъ волосами, имѣлъ очень длинныя руки и, повидимому, ходилъ съ нѣкоторымъ трудомъ. О туземцахъ Новаго Южнаго Валлисса разсказываютъ, что у нихъ ноги иногда бываютъ выгнуты впередъ, такъ что икра кажется находящеюся спереди. О жителяхъ Викторіи (юго-западной Австраліи) мы узнаемъ, что мужчины ихъ высоки, сильны и почти геркулесовскаго сложенія; цвѣтъ ихъ кожи бываетъ красновато-мѣдный, и оливково-бурый. Кёлернъ много распространяется о волосистости прибрежныхъ жителей Винцентова залива и окрестностей Аделаиды; тамъ даже у пяти-шести лѣтнихъ дѣтей кожа покрыта буроватымъ пушкомъ, похожимъ на мѣхъ; у мужчинъ спина, грудь и верхняя часть ногъ густо покрыты волосами. О туземцахъ близъ порта Линкольна разсказываютъ, что они обладаютъ очень тощей мускулатурой рукъ и ногъ, въ особенности женщины. Внутри страны, на рѣкѣ Мёрреѣ, обитатели изображаются болѣе крупными, но лишь у племенъ живущихъ по верхнему те-

ченію рѣки были замѣчены достаточно развитыя икры, хотя мускулатура ихъ вообще слаба и животъ у нихъ выдавшійся. Однако, и внутри страны Стуртъ описываетъ племя, въ которомъ ростъ мужчинъ превосходилъ шесть футовъ. Касательно цвѣта кожи ихъ одни наблюдатели говорятъ объ ярко-бронзовомъ, другіе о смолисто-черномъ. Нѣкоторые у нихъ видѣли каштановые, а другіе даже бѣлокурые волосы. Пытаясь сравнить общее выраженіе ихъ лица съ болѣе извѣстными намъ, они находили у нихъ индусское, восточное, еврейское и т. п. выраженія.

Мы намѣренно вдались въ эти подробности, желая показать разнообразіе описаній путешественниковъ, которое безъ достаточной систематизаціи можетъ повести къ сбивчивымъ и невѣрнымъ представленіямъ. Иногда одно какое нибудь описаніе, относящееся къ небольшой группѣ, пріобрѣтаетъ извѣстность, повторяется чаще другихъ и принимается за характеристику цѣлой расы. Такъ, обще-распространенное мнѣніе о жалкомъ, отталкивающемъ видѣ австралійцевъ, почти у всѣхъ соединенное съ представленіемъ о нихъ, основывалось на описаніи Дампье, относящемся къ концу XVII вѣка и изображающемъ обитателей сѣверо-западнаго берега Австраліи. Они показались ему высокими и худыми, съ большой головой, круглымъ лбомъ, толстымъ носомъ и такими же губами, большимъ ртомъ и полузакрытыми глазами, вслѣдствіе безпокоившихъ ихъ мухъ. Это описаніе считалось типичнымъ для всѣхъ австралійцевъ и долго повторялось потомъ. Другое извѣстное и часто повторяющееся опи-

саніе принадлежитъ Гэлю, этнографу сѣверно-американской экспедиціи. Онъ пытался дать изображеніе нѣкотораго средняго типа австралійцевъ. По его словамъ, они средняго роста, рѣдко превышающаго пять футовъ, довольно стройны, съ длинными руками и ногами; по большей части, они тощи и съ выдающимся животомъ, хотя нѣкоторыя племена имѣютъ достаточно сытый видъ и вовсе не безобразны. По чертамъ лица, Гэль ставитъ ихъ между неграми и малайцами. Лобъ у нихъ узкій, иногда придавленный, а иногда выпуклый; глаза черные, маленькіе, глубоко лежащіе; носъ приплюснутый сверху, а снизу расширенный или даже, такъ называемой, орлиной формы; скулы и челюсти выдающіяся и подбородокъ срѣзанный назадъ; ротъ большой съ толстыми губами и здоровыми, крѣпкими зубами. Черепъ вытянутъ въ длину; онъ очень толстъ и сидитъ на короткой шеѣ. Волосы длинные, тонкіе и шерстистые; вслѣдствіе недостатка ухода, они часто сваливаются въ видѣ войлока; нерѣдко они бываютъ блестящаго чернаго, но чаще темно-каштановаго цвѣта. Тѣло въ изобиліи покрыто волосами; бороды достигаютъ большой густоты. Цвѣтъ кожи темно-шеколадный или черный съ бурымъ отливомъ.

Съ этимъ описаніемъ сходится въ существенныхъ чертахъ и описаніе южнаго австралійскаго типа, приводимое Фр. Мюллеромъ въ этнографической части „Путешествія фрегата Наварры,“ описаніе, которое онъ также старался повозможности обобщить. Какъ характерные признаки австралійскаго типа, онъ указываетъ выдающіяся скулы, выпуклость нижней части лба

и придавленность верхней части его; узкость носа у корня, вслѣдствіе чего глаза кажутся поставленными очень близко другъ къ другу, и расширенность носа внизу; уши ихъ наклонены впередъ; ротъ большой и некрасивый; зубы здоровые и крѣпкіе, причемъ верхніе всегда прикрываютъ нижніе, также какъ и верхняя губа закрываетъ нижнюю; подбородокъ у нихъ маленькій, обращенный назадъ, и кожа цвѣта жженаго кофе, а иногда и чернаго. Фр. Мюллеръ обращаетъ особенное вниманіе на обильное развитіе волосъ не только на головѣ, но и на всемъ тѣлѣ; у мужчинъ подбородокъ и щеки всегда густо покрыты волосами. Волосы смолисто-чернаго цвѣта, легко сваливаются и имѣютъ наклонность къ курчавости. Они распространяются отъ головы по всѣмъ направленіямъ въ видѣ лучей, до семи дюймовъ длиною, вслѣдствіе чего голова кажется очень большою. Надъ глазами нависаютъ большія черныя брови. Испареніе кожи имѣетъ особый отвратительный запахъ, который для обонянія цивилизованнаго человѣка кажется тѣмъ болѣе отталкивающимъ, что къ нему присоединяется запахъ рыбьяго жира, употребляемаго австралійцами для натиранія кожи. Рѣзкія отступленія отъ этого типа на сѣверѣ и на западѣ материка Фр. Мюллеръ объясняетъ малайскимъ вліяніемъ.

Антропологія, съ своей стороны, указываетъ, какъ типичные признаки для австралійцевъ, удлиненный черепъ съ очень малой емкостью и очень толстыми костями. Особенной толщиною въ австралійскомъ черепѣ отличаются надбровныя дуги, приближающія его къ низшему изъ извѣстныхъ намъ ископаемыхъ череповъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ лицевая часть австралійскаго черепа обладаетъ сильнымъ кососубіемъ. Въ суммѣ, эти признаки даютъ право считать австралійскій типъ типомъ низшаго или наиболѣе задержаннаго развитія среди другихъ человѣческихъ расъ.

Средняя продолжительность жизни австралійцевъ равняется 50 годамъ. Физическое развитіе ихъ иногда уже заканчивается между 10—12 годами. Женщины ихъ старѣются быстро и въ 30 лѣтъ представляютъ всѣ признаки старости—морщинистость, костлявость и т. п. Послѣднее свойство находится въ связи съ особой болѣзнью, характерной для австралійцевъ, именно исчезновеніемъ мускуловъ рукъ и ногъ, вслѣдствіе чего конечности ихъ представляютъ видъ костей, обтянутыхъ гуттаперчей.

Разсматривая австралійцевъ, какъ наименѣе подвинувшуюся часть человѣчества, мы должны будемъ признать, что они достигли высшей степени развитія, какое было возможно при полной отчужденности ихъ отъ остальнаго міра и при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ окружающей ихъ природы. Зная эти условія, мы должны относиться къ австралійцамъ не съ презрительнымъ сожалѣніемъ, а скорѣе съ удивленіемъ за ихъ умѣнье приспособляться и поддерживать свое индивидуальное и видовое существованіе. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что они съумѣли поддержать свою численность въ цифрахъ довольно значительныхъ.

Гельвальдъ указываетъ, что, въ эпоху перваго заселенія Австраліи европейцами, число ея туземныхъ обитателей простиралось до 150 тысячъ человѣкъ. Только въ

новѣйшее время, когда у нихъ явился новый и сильный врагъ въ лицѣ европейскихъ колонистовъ, число ихъ уменьшилось почти на половину. Европейскіе путешественники въ Австраліи повсюду встрѣчали туземцевъ или ихъ слѣды. Тамъ, гдѣ предполагалась пустыня, они видѣли себя окруженными дикарями и находили неожиданную густоту населенія.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ материка, гдѣ климатъ болѣе мягокъ и ровенъ, австралійцы обоихъ половъ ходятъ совершенно обнаженными. Нагота австралійцевъ является однимъ изъ результатовъ естественнаго подбора, такъ какъ она не приноситъ ни малѣйшаго вреда ихъ здоровью. Хотя у нихъ и встрѣчаются свойственныя имъ глазныя и накожныя болѣзни, опухоли и проч., но они вообще могутъ назваться весьма здоровыми людьми. Одежда непріятна и, быть можетъ, даже вредна для нихъ, судя по тому сопротивленію, которое они оказываютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ заставляютъ надѣвать ее, и по тому удовольствію, которое они испытываютъ, когда имъ удается ее сбросить. Для предохраненія себя отъ рѣзкихъ вліяній температуры и отъ укушенія насѣкомыхъ, австралійцы натираютъ свое тѣло жиромъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ было замѣчено, что они съ тою же цѣлью натирались глиной.

Во время странствованій по кустамъ и зарослямъ, они надѣваютъ нѣчто вродѣ передника или широкаго пояса изъ древесной коры или шкуръ животныхъ. Иногда они опоясываютъ вокругъ тѣла веревку изъ корья или лыка и прикрѣпляютъ къ ней предметы, необходимые на охотѣ. Въ странахъ болѣе суровыхъ, напр., въ южной части

материка, у нихъ можно видѣть мѣховыя накидки или одѣяла изъ шкурокъ кенгуру или опоссума; въ такое одѣяло иногда входитъ до 70—80 шкурокъ. Европейцы свидѣтельствуютъ, что австралійскіе мѣха чрезвычайно мягки и теплы, и сами охотно прибѣгаютъ къ нимъ.

Жилища австралійцевъ выказываютъ большое разнообразіе относительно прочности, матеріала и формы, что̀ находится, повидимому, въ прямой зависимости отъ климата, времени года и окружающаго изобилія или недостатка пищи. Вынужденные непрерывно вести бродячую охотничью жизнь, австралійцы часто довольствуются естественными углубленіями (гротами) и искусственными ямами, которыя они прикрываютъ вѣтвями или щитами изъ древесной коры, прикрѣпленными къ наклонно поставленнымъ кольямъ. Такой шалашъ, представляющій видъ наклонной стѣны, прислоняется иногда къ дереву или къ холму. Въ другихъ случаяхъ щиты изъ коры плотно прикрѣпляются къ землѣ и соединяются верхними краями, образуя нѣчто вродѣ карточнаго домика. Подобныя жилища чаще всего встрѣчаются въ мѣстностяхъ, бѣдныхъ естественными произведеніями, пригодными для пищи: они легко могутъ быть переносимы съ мѣста на мѣсто или сооружаемы вновь. Поэтому ихъ болѣе всего находятъ на югѣ и на востокѣ материка, какъ въ самыхъ суровыхъ и скудныхъ частяхъ его.

На сѣверѣ и въ особенности на западѣ, гдѣ для отысканія пищи нѣтъ необходимости постоянно мѣнять мѣста и дѣлать большіе переходы, мы видимъ уже болѣе прочныя жилища. Они изготовляются изъ кольевъ,

связанныхъ верхушками и покрытыхъ корою и вѣтвями, съ отверстіемъ внизу для входа, передъ которымъ всегда горитъ огонь. Вышиною они бываютъ въ 4—5 футовъ и до 10 футовъ въ обхватѣ. Они плетутся также изъ вѣтвей и, для защиты отъ дождя, покрываются корою. Иногда они ставятся по нѣскольку вмѣстѣ, принимая видъ деревни въ 10—15 жилищъ. Внутри ихъ ничего не бываетъ, кромѣ нѣсколькихъ домашнихъ и охотничьихъ орудій и сухой травы, служащей постелью. Имъ придаютъ также видъ пчелинаго улья, обмазываютъ ихъ глиной и дѣлаютъ до 10 футовъ высоты и вмѣстимостью человѣкъ на 10. На югъ отъ порта Эссингтонъ встрѣчали даже большія деревни съ домами, выстроенными изъ бревенъ и вмѣщавшими въ себѣ отъ 5 до 10 семействъ. И въ береговыхъ странахъ, и внутри материка путешественники видѣли жилища, казавшіяся имъ обширными и даже построенными съ нѣкоторымъ вкусомъ. Въ строгомъ смыслѣ, обитателей подобныхъ деревень нельзя уже называть номадами: если они и уходятъ изъ нихъ и даже на долгое время, они всегда возвращаются туда и проводятъ тамъ суровое время года. Описываемыя постройки такъ мало соотвѣтствуютъ тому, что мы привыкли слышать объ австралійскихъ жилищахъ, что нѣкоторые этнографы приписываютъ происхожденіе ихъ вліянію папуасовъ и малайцевъ. Однако, въ виду того, что и внутри материка встрѣчались хижины, мало уступающія, по своимъ размѣрамъ и искусству изготовленія, жилищамъ западной Австраліи, о которыхъ мы говоримъ, послѣднія также возможно признать самостоятельнымъ продуктомъ австра-

лійской культуры. Очевидно, она всегда поднимается изъ своего низкаго уровня, какъ только окружающія условія хотя нѣсколько благопріятствуютъ такому возвышенію.

Постоянно страдая отъ недостатка воды въ своей сухой странѣ, австралійскіе туземцы сами выучились рыть колодцы. По крайней мѣрѣ, колодцы были найдены около залива Карпентарія и еще въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Вообще, отыскиваніе воды въ Австраліи составляетъ такой трудъ, что вода тамъ цѣнится выше пищи.

Бѣдность страны естественными произведеніями, о которой мы уже говорили выше, вынуждаетъ австралійцевъ питаться всѣми животными и растеніями, какія попадаются имъ подъ руку. Они ѣдятъ мясо кенгуру, дикихъ собакъ, опоссумовъ, эму (мѣстныхъ казуаровъ) и другихъ птицъ, черепахъ, змѣй и ящерицъ, лягушекъ, яйца птицъ и пресмыкающихся, прѣсноводныхъ улитокъ, морскихъ слизняковъ, исключая устрицъ, медъ и личинки насѣкомыхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они ѣдятъ корни нѣкоторыхъ растеній (ямса, орхидей, папоротниковъ и друг.), грибы, зерна злаковъ, плоды, орѣхи, смолу и цвѣты медоносныхъ растеній. Корни растеній иногда они сушатъ, растираютъ и ѣдятъ съ примѣсью какой то земли. Новѣйшія изслѣдованія указали, что въ Австраліи почти повсюду встрѣчаются дико растущіе хлѣбные злаки. Такъ въ Викторіи былъ найденъ дикій рисъ и одинъ изъ дикихъ видовъ проса; на сѣверо-западѣ видъ дикаго овса, на сѣверѣ злакъ, похожій на пшеницу, только съ болѣе мелкими зернами, а южнѣе

какое-то бобовое растеніе. Въ то же время туземцы пользуются спорами папоротниковаго растенія „нарду,“ которыя въ извѣстное время года положительно покрываютъ землю. Изъ наиболѣе питательныхъ плодовыхъ деревьевъ можно назвать дикіе бананы, дикую виноградную лозу и, такъ называемую, готтентотскую смоковницу.

Отсюда можно видѣть, что недостатокъ въ хлѣбныхъ злакахъ у австралійцевъ не могъ послужить препятствіемъ къ развитію земледѣлія, подобно тому, какъ отсутствіе копытныхъ животныхъ сдѣлало для нихъ невозможнымъ скотоводство. Многіе дикіе народы, обладая такимъ же знакомствомъ съ дикими злаками, выучились собирать и сажать ихъ сѣмена въ разрыхленную землю для того, чтобы обезпечить себѣ болѣе обильный сборъ ихъ въ опредѣленномъ мѣстѣ. Между тѣмъ австралійцы не пошли далѣе собиранія сѣмянъ и выкапыванія корней дикихъ растеній. Переходъ къ земледѣлію, вѣроятно, былъ затрудненъ для нихъ сухостью климата, недостаточностью населенія и отсутствіемъ того уровня умственнаго развитія, какой необходимъ для запасливости и правильнаго труда, потребныхъ для земледѣлія.

За исключеніемъ личинокъ насѣкомыхъ, которыхъ они ѣдятъ сырыми, австралійцы варятъ или, лучше сказать, пекутъ свою пищу. Они кладутъ ее на раскаленные камни, положенные въ яму или на поверхности земли, и прикрываютъ все это землею. Иногда камни вспрыскиваются водою. Мелкихъ звѣрей и птицъ, кое-какъ выпотрошенныхъ, они жарятъ также на уголь-

яхъ. При такомъ приготовленіи, мясо запекается только снаружи, и туземцы ѣдятъ его полусырымъ. Такой же видъ принимаютъ и корнеплоды. Зерна злаковъ, сѣмена бобовыхъ и споры папоротниковъ они превращаютъ въ муку, растирая ихъ между камнями, и изъ этой муки пекутъ плоскіе хлѣбы или лепешки. Какъ мы видимъ изъ этого, печеніе хлѣба предшествуетъ земледѣлію.

Нагрѣвать воду австралійцы вовсе не умѣютъ. Питьемъ имъ служитъ вода, къ которой они прибавляютъ сокъ медоносныхъ растеній. Какіе бы то ни было наркотическіе или опьяняющіе напитки имъ были неизвѣстны до прибытія европейцевъ, и на первыхъ порахъ они выказывали величайшее отвращеніе къ водкѣ. Они не употребляли ни соли, ни какихъ либо пряностей. Впрочемъ, путешественники упоминаютъ, что австралійцы жевали, курили и нюхали размельченные листья какихъ то растеній.

Людоѣдство, повидимому, свойственно всѣмъ австралійцамъ. Въ виду того, что иногда они вырываютъ трупы изъ земли и съѣдаютъ ихъ, можно предположить, что первымъ стимуломъ къ истребленію человѣческаго мяса служитъ голодъ. Другой причиной его является убѣжденіе, свойственное дикарю, будто, съѣдая умершаго родственника, ему оказывается высшій почетъ. Наконецъ, третья причина людоѣдства есть общее всему некультурному человѣчеству мнѣніе, что нѣкоторыя части тѣла (напр. печень, сердце и др.) заключаютъ въ себѣ извѣстныя качества, силу, храбрость и т. п., и эти качества усвоиваются тѣмъ, кто съѣдаетъ

названныя части тѣла. Человѣческое мясо считается у австралійцевъ очень вкуснымъ кушаньемъ, но они ѣдятъ его лишь въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Ради того, ихъ нельзя считать людоѣдами въ настоящемъ смыслѣ слова, т. е. потребителями человѣческаго мяса въ видѣ частой и обычной пищи.

Мирная будничная жизнь австралійцевъ проходитъ въ отыскиваніи себѣ пищи, потребленіи ея и снѣ. Смотря по изобилію пищи въ данной мѣстности, имъ приходится дѣлать болѣе или менѣе длинные переходы. Они передвигаются цѣлыми семьями, при чемъ женщины съ дѣтьми идутъ по прямой дорогѣ, внимательно слѣдя—не попадется ли что либо годное для ѣды, а мужчины сворачиваютъ въ сторону и преслѣдуютъ дичь, которая не такъ легко дается въ руки. Одна изъ женщинъ несетъ горящую головню или жердь около сажени длиною: огонь тщательно сохраняется во время пути, такъ какъ обычный способъ добыванія его посредствомъ сверленія очень труденъ и по возможности избѣгается. Придя на мѣсто отдыха, женщины разводятъ большой огонь и занимаются приготовленіемъ пищи, а мужчины располагаются вокругъ костра. Въ хорошую погоду всѣ остаются подъ открытымъ небомъ, а въ сырую или холодную устраиваютъ себѣ защиту изъ коры или изъ плетеныхъ вѣтвей, какъ мы говорили выше. Насытившись, всѣ засыпаютъ и иногда просыпаются ночью, чтобы поѣсть и заснуть опять. Они остаются на мѣстѣ, покуда охота кормитъ ихъ, и затѣмъ идутъ дальше. Въ удачное время и въ не слишкомъ скудной мѣстности, трехчасовой охоты

достаточно для того, чтобы доставить имъ продовольствіе на цѣлый день.

Постоянно упражняясь въ отыскиваніи пищи и въ выслѣживаніи добычи, австраліецъ доходитъ въ этомъ дѣлѣ до изумительнаго умѣнья. Въ особенности поразительно его искусство находить воду даже въ безводныхъ мѣстахъ. Онъ не только знаетъ всѣ источники, но даже мелкія водохранилища въ мѣстахъ своей охоты; онъ умѣетъ найти воду на глубинѣ одной или даже двухъ сажень. Если вода ему никакъ не попадается, онъ отыскиваетъ сочные корни растеній и, выкопавъ ихъ, ломаетъ на куски и высасываетъ изъ нихъ влагу. Въ тоже время онъ отличается замѣчательной способностью переносить жажду; онъ не слишкомъ страдаетъ отъ нея даже въ тѣхъ случаяхъ, когда европеецъ погибъ бы отъ недостатка воды. За то найдя обширное водовмѣстилище, австраліецъ весь погружается въ него, желая воспринять всѣми порами влагу, отъ недостатка которой ему такъ много приходится страдать.

Физическая ловкость, необходимая для успѣха на охотѣ, развита у австралійцевъ въ высшей степени. Едва ли кто можетъ состязаться съ австралійцемъ въ его умѣньи влѣзать на совершенно гладкіе стволы высокихъ и толстыхъ деревьевъ, съ помощью веревки изъ лыка, или изъ гибкихъ вѣтвей, и каменнаго топора. Въ плаваніи австраліецъ также искусенъ, какъ и въ лазаніи.

Изобрѣтательность, на которую способенъ австраліецъ, выказалась въ особенности въ придуманномъ имъ для себя охотничьемъ оружіи, которое нельзя не приз-

нать не только вполнѣ цѣлесообразнымъ, но и весьма остроумнымъ. Во всѣхъ частяхъ австралійскаго материка, за исключеніемъ полуострова Карпентарія, мы находимъ „бумерангъ“. Бумерангъ изготовляется изъ тонкаго, плоскаго, искривленнаго куска дерева, въ формѣ рога луны; длиною онъ бываетъ вершковъ до 10, а шириною немного болѣе вершка. Брошенный горизонтально острымъ угломъ противъ вѣтра, бумерангъ летитъ, вращаясь, и черезъ нѣсколько времени возвращается на то мѣсто, откуда былъ брошенъ. Если же онъ попадаетъ въ цѣль, то онъ теряетъ сообщенную ему силу и падаетъ около цѣли. Бросаемый вертикально, бумерангъ падаетъ съ значительной силой и становится тѣмъ опаснѣе, что отъ него трудно уклониться, такъ какъ нельзя угадать направленія его полета. Въ своемъ родѣ еще остроумнѣе „вамера“, снарядъ для метанія копій, одинаково свойственный всѣмъ австралійскимъ племенамъ. Онъ состоитъ изъ дощечки съ желобкомъ, куда вставляется копье. Дощечка прикрѣпляется къ ладони или прихватывается тремя послѣдними пальцами; вслѣдствіе такого приспособленія копью сообщается значительная сила и вѣрность полета. И бумерангъ, и вамера, повидимому, самостоятельно изобрѣтены австралійцами, такъ какъ нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобы они были откуда нибудь заимствованы. Ближайшіе сосѣди австралійцевъ, обитатели новой Каледоніи, правда, употребляютъ метательный снарядъ, но выбрасываютъ копье не съ помощью доски, а съ помощью петли.

Кромѣ того, у австралійцевъ въ качествѣ оружія

встрѣчаются деревянные мечи, края которыхъ усажены острыми камнями или раковинами, кинжалы изъ дерева или кости, каменные ножи и дубины или палицы, въ толстомъ концѣ которыхъ укрѣпляются зубы кенгуру. На войнѣ, для защиты отъ ударовъ, австралійцы употребляютъ щиты изъ толстой древесной коры. Эти щиты бываютъ овальной формы или заостряются на концахъ; длина ихъ доходитъ до аршина, а ширина до $^3/_4$ аршина, толщина около вершка. Въ битвахъ австралійцамъ помогаетъ ихъ замѣчательное искусство уклоняться отъ ударовъ, вызывавшее удивленіе наблюдателей.

Несложное хозяйство австралійцевъ требуетъ весьма незначительнаго количества домашнихъ орудій. Утварь цѣлаго хозяйства укладывается въ мѣшокъ изъ шкуры кенгуру или опоссума, который женщина, во время передвиженій, несетъ на спинѣ. Этотъ мѣшокъ заключаетъ въ себѣ: плоскій камень для растиранія зеренъ и размягченія съѣдобныхъ кореньевъ, запасъ земли, кусочки кремня для ножей и наконечниковъ копій, камни для топоровъ, смолу для прикрѣпленія мелкихъ осколковъ камня и зубовъ, жилы кенгуру для привязыванія камней къ рукояткамъ, иглы изъ костей кенгуру, острыя раковины, служащія для обрѣзыванія волосъ и замѣняющія ножи, кусокъ коры для изготовленія лыка, кусокъ губчатаго дерева для добыванія огня и нѣкоторое количество жира и охры для вымазыванія тѣла съ цѣлью украшенія.

Австралійцы не дошли даже до приготовленія самой грубой глиняной посуды, и часто сосудами для питья

имъ служатъ человѣческіе черепа. Но въ то же время они искусно изготовляютъ сѣти и силки изъ размягченной между камнями коры древовидной крапивы, волокна которой они ссучиваютъ въ видѣ нитей. Это составляетъ занятіе женщинъ, которыя умѣютъ также выдѣлывать грубую пряжу изъ шерсти опоссума.

Искусство австралійца въ изготовленіи каменныхъ орудій, замѣняющихъ ему металлическія, должно быть поставлено очень низко. Онъ не пошелъ дальше изготовленія молотковъ, топоровъ и оконечностей копій, обтесывая ихъ самымъ грубымъ образомъ и прикрѣпляя къ рукояткамъ посредствомъ смолы и камеди, или привязывая веревками изъ лыка или изъ жилъ кенгуру. Съ металлами австралійцы, въ эпоху ихъ открытія, вовсе не были знакомы.

ГЛАВА III.

Общественный строй австралійцевъ. — Начало родовой системы. — Родовые участки земли. — Взаимная защита членовъ рода. — Характеръ австралійцевъ. — Войны. — Празднества. — Пляски. — Украшенія. — Бракъ. — Дѣтоубійства.

Не смотря на постоянно бродячую жизнь австралійцевъ, мы находимъ у нихъ достаточно выработанныя формы общественнаго союза. Необходимость взаимной помощи заставила ихъ соединиться въ опредѣленныя группы, которыя оказываются даже у самыхъ жалкихъ и разрозненныхъ представителей этой расы. Въ общественномъ союзѣ австралійцевъ мы ясно видимъ первыя ступени такъ называемаго родового строя. Вслѣдствіе того, ихъ общественныя отношенія заслуживаютъ большого интереса.

Путешественники, описывающіе дикарей, менѣе всего знакомы съ ихъ общественнымъ бытомъ. Они истолковываютъ его по своему, по большей части совершенно невѣрно, отыскивая въ немъ хотя бы и зачаточныя формы того строя, который они знаютъ у себя на родинѣ. Между тѣмъ общественный строй дикарей имѣетъ совершенно иной характеръ, нежели государственный

бытъ культурныхъ народовъ. Это—такъ называемый родовой строй, предшествующій государственному. Мы уже говорили о немъ, останавливаясь на общественномъ устройствѣ негровъ. („Люди“, I, стр. 47—50).

У австралійцевъ, какъ у расы, стоящей весьма низко, мы можемъ найти только первыя ступени этого родового быта. Не смотря на сбивчивость описаній путешественниковъ, мы несомнѣнно видимъ названный общественный порядокъ въ упоминаемыхъ ими „большихъ семьяхъ“ австралійцевъ, въ которыхъ оказываются всѣ признаки рода. Мы усматриваемъ это изъ того, что члены одной и той же „семьи“ не могутъ вступать въ бракъ между собою. Какъ мы уже знаемъ, это—характерный признакъ родового порядка, такъ какъ всѣ члены рода считаются въ родствѣ между собою, въ качествѣ потомковъ одного общаго родоначальника. У австралійцевъ мы находимъ и другую характерную черту родовой системы: именно, то, что дѣти считаются принадлежащими къ роду матери, а не отца.

Путешественники ничего не говорятъ намъ о выборномъ началѣ у австралійцевъ, какое всегда имѣетъ мѣсто въ родовомъ строѣ, но они упоминаютъ, что туземцы Австраліи пользуются полной свободой, и начальники ихъ облечены лишь незначительной властью. Очевидно, на такой ступени общественнаго развитія, на какой находятся австралійцы, при ихъ бродячемъ образѣ жизни, они обладаютъ наибольшею свободою. Мы слышимъ, что начальниками ихъ, по большей части, бываютъ люди, отличившіеся на войнѣ или извѣстные своей храбростью; слѣдовательно, власть ихъ на-

ходится въ зависимости отъ той пользы, какую они могутъ принести во время войны. Тогда они ею и пользуются, а въ мирное время имъ оказывается лишь слабое подчиненіе. Однако, общественная связь въ достаточной степени создается и поддерживается австралійцами. У нихъ существуютъ общественные праздники, игры и пляски, на которые собираются нѣсколько семей, т. е. родовъ. По сравненію съ тѣмъ, что̀ мы видимъ у другихъ дикарей, мы находимъ уже здѣсь признаки племенного союза, т. е. союза родовъ. Повидимому, собственныя имена общественныхъ группъ, встрѣчающіяся у австралійцевъ, вродѣ Кароаналъ, Камерагалъ и т. п., слѣдуетъ считать названіями племенъ.

Въ Австраліи мы находимъ и экономическую сторону родового быта въ общинномъ пользованіи строго разграниченными участками земли. Австралійскій охотникъ не можетъ отыскивать дичь безразлично, гдѣ ему вздумается. Каждому роду принадлежитъ извѣстное пространство земли, на которомъ дичь считается его неотъемлемой собственностью. Постороннія лица не только не могутъ охотиться, но даже не могутъ проходить по этимъ участкамъ, не испросивъ разрѣшенія владѣльцевъ. Всѣ члены рода имѣютъ одинаковое право охотиться, выкапывать растенія и рубить деревья на общинной землѣ. На югъ материка, вѣроятно, вслѣдствіе скудости естественныхъ продуктовъ, эти территоріи расширяются и становятся достояніемъ цѣлаго племени.

Родъ бываетъ естественнымъ защитникомъ каждаго своего члена и мститъ за нанесенное ему оскорбленіе

или вредъ. Мы видимъ это и въ Австраліи, гдѣ кровавая месть въ большомъ ходу. Если убійца, или нарушитель правъ одного изъ членовъ рода принадлежитъ къ чужому роду, родъ потерпѣвшаго весь мститъ за него, и въ родѣ убійцы или грабителя не только онъ самъ и его ближайшіе родственники, но и маленькія дѣти считаются отвѣтственными и могутъ пострадать за вину своего сородича. Преступленія, совершенныя членами общины въ предѣлахъ ея, наказываются всѣмъ родомъ, на которомъ лежитъ охрана личности и движимаго имущества каждаго изъ своихъ членовъ. Особенно строгому наказанію подвергается похитившій чье либо имущество, соблазнившій чью либо жену, или женившійся въ предѣлахъ своего рода. Наказаніе заключается въ томъ, что въ виновнаго мечутъ копья, и исходъ зависитъ отъ ловкости наказываемаго, который, по мѣрѣ возможности, уклоняется отъ ударовъ. Личныя оскорбленія между членами той же общины разрѣшаются поединками, въ которыхъ оружіемъ служитъ палица или дубина. Первый ударъ наноситъ обиженный, по головѣ обидчика, затѣмъ получаетъ такой же, покуда кто-нибудь изъ нихъ не свалится съ ногъ или присутствующіе не сочтутъ оскорбленіе удовлетвореннымъ.

Съ точки зрѣнія родового порядка, всѣ, не принадлежащіе къ роду или къ племени, въ составъ котораго входитъ родъ, являются чуждыми и даже враждебными лицами. Такъ, у австралійцевъ всякій неизвѣстный или посторонній, приближаясь къ владѣніямъ или стоянкѣ чужого рода, долженъ еще издали испускать крики, ко-

торые принято считать дружественными, или нести въ рукѣ зеленую вѣтвь. Безъ этихъ знаковъ онъ встрѣчается непріязненно. Путешественники, незнающіе этихъ обычаевъ, могутъ встрѣтить очень недружелюбный пріемъ, и на основаніи его составить совершенно ложное понятіе о характерѣ туземцевъ. Разсматривая австралійцевъ, какъ членовъ родовой общины, мы легко можемъ согласить, повидимому, противорѣчивыя указанія путешественниковъ, изъ которыхъ одни называютъ ихъ добродушными и дружелюбными, а другіе находятъ ихъ враждебными, подозрительными и скрытными по отношенію къ европейцамъ. Австралійцы, дѣйствительно, добродушны и дружелюбны къ членамъ своей общины и къ тѣмъ, кто входитъ въ ихъ среду въ качествѣ друзей, и, наоборотъ, весьма враждебны и даже опасны для тѣхъ, кто нарушаетъ ихъ права или обычаи. Такъ, многимъ европейцамъ, незнавшимъ послѣднихъ, приходилось расплачиваться за это жизнью. Между тѣмъ, добросовѣстные и опытные изслѣдователи признаютъ, что австралійцы никогда не убиваютъ и не грабятъ, если къ этому не дается повода со стороны европейцевъ; при хорошемъ и толковомъ обращеніи, они оказываются даже мягкими и гостепріимными.

Сами по себѣ австралійцы не отличаются задорностью и скорѣе избѣгаютъ столкновеній, нежели ищутъ ихъ; но, будучи раздражены, они оказываютъ крайнее ожесточеніе, которое доходитъ у нихъ до полнаго исступленія и презрѣнія къ жизни. Они очень чувствительны къ оскорбленіямъ и долго помнятъ ихъ, не

столько вслѣдствіе присущей имъ злобы, сколько вслѣдствіе гордости и сознанія своего достоинства. Они ставятъ себя очень высоко и, признавая достоинства бѣлыхъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ, въ другихъ считаютъ себя несравненно выше ихъ. Въ общеніи съ европейцами они держатъ себя независимо и безъ страха. Разсказамъ, изображающимъ ихъ хитрыми, измѣнническими и лживыми существами, легко противопоставить другіе, рисующіе ихъ вѣрными, правдивыми и честными. По крайней мѣрѣ, это справедливо для австралійцевъ прежняго времени. Если новѣйшіе австралійцы выказываютъ въ нравственномъ отношеніи перемѣну къ худшему, то это должно быть приписано дурному вліянію европейцевъ. Долгое соприкосновеніе съ порочными представителями бѣлой расы не могло, конечно, не отразиться на нравственности туземцевъ; но всѣ ихъ пороки привиты имъ изнанкой цивилизаціи, съ какою имъ пришлось столкнуться.

Общинно-родовая организація въ связи съ бродячей жизнью часто доставляетъ австралійцамъ поводъ къ непріязненнымъ столкновеніямъ съ сосѣдями. Причинами столкновеній служатъ убійства, вызывающія кровавую месть, нарушеніе неприкосновенности территоріи, невыполненіе установленныхъ мирныхъ обычаевъ, похищеніе женщинъ и т. п. Повидимому, столкновенія происходятъ и между родами, и между племенами, такъ какъ, по указаніямъ путешественниковъ, число сражающихся бываетъ отъ 15 до 200 человѣкъ. Въ послѣднемъ случаѣ происходитъ общій сборъ племени, зажигаются сигнальные костры и отправляются послы

для объявленія войны. Передъ битвой мужчины стараются возбудить себя угрозами непріятелю, криками, энергическими тѣлодвиженіями и пѣснями, которымъ вторятъ ихъ жены, скрывающіяся гдѣ-нибудь за кустами. Затѣмъ начинается метаніе копій, которое, благодаря гибкости и увертливости австралійцевъ, часто никому не причиняетъ вреда. Если кому либо удастся ранить противника, сторона побѣдителя поднимаетъ громкій крикъ и сраженіе считается оконченнымъ. Случается, что нападеніе производится ночью съ факелами; это считается у австралійцевъ большимъ геройствомъ. Непріязненныя дѣйствія выражаются иногда и тайными нападеніями: дикари подкрадываются ползкомъ къ непріятельскимъ шалашамъ и умерщвляютъ женщинъ и дѣтей. Мужчинъ они не берутъ въ плѣнъ, а если представится возможность, уводятъ женщинъ.

Собранія союзныхъ родовъ, кромѣ общихъ дѣлъ, какъ напр., объявленіе войны или заключеніе мира, происходятъ также въ нѣкоторые опредѣленные сроки для празднованія сбора нарду, ямса и т. п. Эти празднества выражаются общей охотой, потребленіемъ продуктовъ охоты и потомъ плясками и пѣніемъ при лунномъ свѣтѣ или при свѣтѣ факеловъ. Всего любопытнѣе такъ называемый „кааро“, праздникъ, совпадающій съ созрѣваніемъ ямса и соотвѣтствующій весеннимъ праздникамъ другихъ народовъ. Пляски и мимическія движенія, которыми сопровождается кааро, въ высшей степени сладострастны. У австралійцевъ мы встрѣчаемъ и религіозные танцы („корробори“) и охотничьи (мимическій танецъ, изображающій охоту на кенгуру)

и военные, воспроизводящіе битву и иногда предшествующіе ей. Такимъ образомъ мы находимъ у нихъ всѣ роды танцевъ, встрѣчающіеся въ бо̀льшемъ развитіи у дикарей, уже значительно подвинувшихся въ сравненіи съ австралійцами. Пляски послѣднихъ также сопровождаются пѣніемъ и музыкой. Пѣсни ихъ исполняются преимущественно въ минорномъ тонѣ и звучатъ довольно грустно. Музыка у нихъ иногда ограничивается тѣмъ, что они бьютъ тактъ палкой по доскѣ, но у нихъ есть и музыкальные инструменты— дудка изъ бамбука и барабанъ изъ кожи опоссума. Женщины или принимаютъ участіе въ танцахъ, или только аккомпанируютъ имъ заунывнымъ пѣніемъ. Танцы происходятъ поперемѣнно наступающими другъ на друга рядами, или попарно.

Австралійцы, преимущественно мужчины, особымъ образомъ украшаютъ себя для танцевъ. Они вымазываютъ себя полосами бѣлой, желтой и красной глины и углемъ; эти цвѣта имѣютъ для нихъ нѣкоторое символическое значеніе. Полосы дѣлаются и горизонтально, и вертикально. Иногда австралійцы еще обводятъ себѣ глаза бѣлыми кругами. Въ послѣднемъ случаѣ, когда они росписываютъ себя горизонтальными полосами, фигуры ихъ, при освѣщеніи луны или факеловъ, производятъ на европейцевъ впечатлѣніе прыгающихъ скелетовъ. Они украшаютъ себя для танцевъ также перьями, цвѣтами и листьями.

У австралійцевъ существуютъ и постоянныя украшенія въ видѣ самой первобытной татуировки. Эти украшенія состоятъ въ надрѣзахъ, которые срастаются

въ видѣ прозрачныхъ, стекловидныхъ рубцовъ. Мужчины дѣлаютъ себѣ такіе надрѣзы на плечахъ, на груди, на животѣ, на спинѣ и на бедрахъ, а иногда и на лицѣ. Женщины довольствуются нѣсколькими надрѣзами около поясницы или на плечахъ.

Татуированію австралійцы придаютъ торжественное значеніе, производя его, вмѣстѣ съ обрѣзаніемъ, въ эпоху наступленія возмужалости, занимающую видное мѣсто въ жизни дикарей. Юноша проходитъ въ это время цѣлый подготовительный искусъ (остается нѣкоторое время въ уединеніи, не долженъ громко говорить и проч.), что̀ указываетъ на религіозное значеніе этихъ церемоній. Послѣ обрѣзанія и татуированія, юноша получаетъ другое имя и принимается уже въ среду взрослыхъ. У береговыхъ племенъ въ это же время выбивается одинъ или два зуба. У женщинъ отнимаютъ два сустава лѣваго мизинца и бросаютъ въ воду, въ видѣ жертвы водяному духу. Въ Австраліи прокалываютъ также носовой хрящъ и вставляютъ въ отверзтіе кусочекъ дерева или кости.

Послѣ празднества, выражающаго признаніе возмужалости, австраліецъ можетъ вступать въ бракъ. Какъ мы уже объясняли, онъ непремѣнно долженъ взять себѣ жену изъ чужого рода. Иногда это совершается путемъ соглашенія съ родителями невѣсты, даже еще во время ея малолѣтства, и имѣетъ видъ покупки, а въ другихъ случаяхъ имѣетъ характеръ захвата. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, бракъ не сопровождается никакимъ обрядомъ или церемоніей. Захватъ можетъ произойти съ согласія дѣвушки, или противъ ея воли. У австралійцевъ

мы можемъ видѣть, что насильственное похищеніе невѣсты нѣкогда было обычнымъ способомъ заключенія браковъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ материка, напр., на юго-востокѣ, бракъ имѣетъ видъ, хотя бы мнимаго. похищенія невѣсты. Тамъ юноша и дѣвушка убѣгаютъ въ лѣсъ, гдѣ остаются около двухъ сутокъ. Въ это время родители невѣсты показываютъ видъ, будто усердно розыскиваютъ ихъ. Но у болѣе грубыхъ туземцевъ Новаго Южнаго Валлиса практикуется и настоящій насильственный захватъ женщинъ. Такому похищенію подвергаются не только дѣвушки, но и замужнія женщины. Вслѣдствіе того женщинамъ, считающимся красивыми, часто приходится переходить изъ рукъ въ руки. Во всякомъ случаѣ австралійцу, для того чтобы добыть себѣ жену, нужно имѣть репутацію искуснаго охотника, способнаго обезпечить существованіе своей жены, или нужно обладать физической силой, чтобы похитить и удержать за собой женщину. Поэтому австраліецъ имѣетъ столько женъ, сколько онъ въ состояніи найти и прокормить (отъ 2 до 10 и даже болѣе). Менѣе ловкіе и сильные мужчины иногда долго остаются безъ жены. Случается, что община вмѣшивается въ ихъ положеніе и присуждаетъ имъ вдовъ или устарѣлыхъ женщинъ, отвергнутыхъ мужьями.

Обращеніе австралійцевъ съ женами, по большей части, крайне грубое; эта грубость нѣсколько смягчается лишь у болѣе культурныхъ сѣверо-западныхъ и западныхъ племенъ. На женщинѣ лежатъ всѣ хозяйственныя работы—приготовленіе пищи, постройка шалаша, перенесеніе тяжестей. Будучи недоволенъ женой, австра-

лiецъ бьетъ ее чѣмъ попало, даже жердями, которыя служатъ остовомъ шалашей. Благодаря крѣпости австралiйскаго черепа, удары по головѣ сходятъ австралiйкѣ безъ особенно тяжелыхъ послѣдствiй, хотя нерѣдко на ихъ черепахъ можно видѣть слѣды ударовъ, въ видѣ трещинъ. Чаще всего причиной гнѣва мужей бываетъ ревность. Обычай австралiйцевъ допускаетъ полную свободу для дѣвушекъ, но требуетъ самой строгой нравственности отъ замужнихъ женщинъ. Тѣмъ не менѣе, австралiйскiя женщины, несмотря на гнетъ, который тяготѣетъ надъ ними, и страхъ жестокихъ наказанiй не всегда слѣдуютъ этимъ требованiямъ.

Нѣкоторые наблюдатели свидѣтельствуютъ, что и въ брачной жизни австралiйцевъ удается подмѣтить проявленiе истинной привязанности съ обѣихъ сторонъ. Страхъ наказанiя не можетъ быть, конечно, для австралiйца единственнымъ способомъ удерживать при себѣ жену, тѣмъ болѣе, что австралiйскiй бракъ также легко расторгается, какъ и легко заключается. Главными причинами несогласiя въ австралiйскихъ бракахъ бываютъ жены-соперницы. Та изъ женъ, которая пользуется бо́льшимъ расположенiемъ мужа, по всѣмъ вѣроятiямъ, старается возстановить его противъ другихъ женъ, уничтожая ту долю привязанности, какая у него могла сохраниться къ нимъ. Путешественникъ Грей приводитъ пѣсню, въ которой изображается положенiе покинутой жены. Она горько жалуется, что мужчина, похитившiй ее въ цвѣтѣ красоты, овладѣвшiй ея сердцемъ и называвшiй ее своей возлюбленной, теперь покидаетъ ее, ради другой женщины. Новая жена, желая вооружить

мужа противъ прежней, увѣряетъ, что она лжетъ и что глаза ея свѣтятся любовью къ постороннему юношѣ.

Неудобство имѣть много малолѣтнихъ дѣтей, при постоянно кочевой жизни и недостаткѣ продовольствія, заставляетъ австралійцевъ прибѣгать къ дѣтоубійству, причемъ жертвами преимущественно бываютъ дѣвочки. Дѣтей, которымъ предназначено жить, австралійскія матери любятъ очень нѣжно. Наказаніе дѣтей почти вовсе не существуетъ у австралійцевъ. По мѣрѣ того, какъ дѣти растутъ, мальчиковъ учатъ охотѣ, а дѣвочекъ рукодѣлію. Выростая, дѣти предоставляются самимъ себѣ.

ГЛАВА IV.

Вѣрованія австралійцевъ—Колдовство.—Погребеніе умершихъ.—Загробная жизнь.—Миѳы о созданіи человѣка.—Познаніе природы.—Умственное развитіе.—Искусство.—Вѣроятное будущее.—Тасманійцы.

Природа полна для австралійца страшными и таинственными призраками. Онъ особенно страшится темноты: она населена для него злыми духами, причиняющими болѣзни и смерть. Злыя божества (Вау-гумъ на западѣ, Вандонгъ на востокѣ и др.) бродятъ по ночамъ и боятся только свѣта костра. Кромѣ того, мелкіе духи и призраки ночью цѣлыми стаями нападаютъ на человѣка, а отъ нихъ можно спастись только огнемъ. Поэтому австраліецъ въ потемкахъ не сдѣлаетъ ни одного шага безъ горящей головни въ рукахъ. Южныя племена вѣрятъ въ существованіе Куиньо, прожорливаго божества съ огромнымъ животомъ, всюду приносящаго смерть. На сѣверѣ его мѣсто заступаетъ Юмбурбаръ, питающійся внутренностями животныхъ. Но западное божество, Сіенга, спокойно живетъ въ землѣ, не требуя поклоненія. Рядомъ съ злыми существами, въ австралійской миѳологіи находятъ себѣ мѣсто и высшія благодѣтельныя существа. Въ каждой области Австраліи

можно найти смутныя представленія о творцѣ міра, живущемъ на небѣ, котораго можно умилостивить посредствомъ плясокъ. Въ этихъ миѳахъ и нѣкоторыхъ преданіяхъ о потопѣ замѣтно какое то чуждое, вѣроятно, полинезійское вліяніе. Австралійцы почитаютъ также солнце и мѣсяцъ, признавая послѣдняго мужемъ солнца. Чего либо подобнаго храмамъ или идоламъ у нихъ не было замѣчено, что̀ на первыхъ порахъ повело къ предположенію, будто они вовсе лишены религіозныхъ представленій.

Жизнь австралійца переполнена примѣтами и предзнаменованіями. Падающія звѣзды и кометы угрожаютъ ему несчастіями. И чиханье, и трескъ въ колѣняхъ имѣютъ для него свое значеніе. Крикъ нѣкоторыхъ животныхъ (напр., ястреба извѣстной породы) есть зловѣщій признакъ и предвѣщаетъ смерть дѣтей. Австралійцы имѣютъ заклинанія для охоты и заговоры отъ болѣзней. При значительномъ развитіи вѣры въ колдовство, колдуны играютъ у нихъ очень видную роль. Австралійцы признаютъ за своими колдунами способность дѣлаться невидимыми, летать по воздуху, насылать дождь и засуху и т. п. Знахари—по большей части старики, къ которымъ обращаются для излѣченія болѣзней, для общенія съ духами умершихъ и за совѣтомъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Все это австраліецъ причисляетъ къ одной и той же области, такъ какъ и смерть, и болѣзни, и несчастія, въ его глазахъ, исходятъ отъ сверхъестественныхъ причинъ. Австралійскіе знахари приводятъ себя въ состояніе изступленія и въ такомъ видѣ пророчествуютъ, разрѣшаютъ сомнѣнія, передаютъ же-

ланія умершихъ и проч. Для того, чтобы быть знахаремъ, нужно съ дѣтства видѣть дьявола (кутчи), хотя бы въ сновидѣніи, вродѣ кошмара; т. е., другими словами, человѣкъ долженъ съ раннихъ лѣтъ выказывать нервную возбужденность, располагающую его къ состоянію экстаза, необходимаго для колдуна. Лѣченіе болѣзней заключается у нихъ въ сосаніи или перевязываніи больного мѣста (чтобы злой духъ, причиняющій болѣзнь, не могъ двигаться дальше), въ заклинаніи и въ мнимомъ извлеченіи изъ тѣла пацієнта камней или костей, будто-бы причинявшихъ ему боль. Однако, рядомъ съ этими мистическими способами, у австралійцевъ существуютъ и болѣе разумные пріемы лѣченія, въ видѣ обвязыванія больного желудка или головы, обливанья, кровопусканія и т. п. Такимъ лѣченіемъ занимаются иногда лѣкари, не имѣющіе репутаціи колдуновъ.

Смерть, какого бы рода она не была, считается у австралійцевъ послѣдствіемъ колдовства, напущеннаго на умершаго, посредствомъ какой нибудь принадлежавшей ему вещи. Виновнаго отыскиваютъ по извѣстнымъ признакамъ, напр., слѣдятъ за насѣкомымъ, ползущимъ отъ могилы, и первый, кто окажется на пути его, считается убійцей и нерѣдко тутъ же убивается.

У австралійцевъ можно найти самые разнообразные способы погребенія. Они кладутъ покойниковъ въ могилы въ лежачемъ или сидячемъ положеніи, навзничь или бокомъ, помѣщаютъ въ гробницы, на подобіе хижинъ, съ основаніемъ въ видѣ лодки, въ пещеры или дупла деревьевъ, обертываютъ въ кору и подвѣшиваютъ къ деревьямъ, или выставляютъ на высокомъ по-

мостѣ, прикрывая листьями, или же сожигаютъ. На сѣверѣ материка, когда тѣло истлѣетъ, родственники умершаго окрашиваютъ кости въ красную краску и носятъ ихъ съ собой во время передвиженій, пока, наконецъ, не уберутъ въ дупло или не зароютъ въ землю. Могилы обозначаются насыпями, кучами камней или песку, обрѣзанными кругомъ деревьями или поставленными по угламъ жердями.

Въ погребальныхъ обычаяхъ австралійцевъ ясно видна вѣра въ загробную жизнь. Эта вѣра выказывается тѣмъ, что они, вмѣстѣ съ умершимъ, хоронятъ его оружіе, которое должно ему служить въ будущей жизни, и долгое время поддерживаютъ на могилѣ огонь для того, чтобы душа покойнаго могла грѣться. Относительно участи души послѣ смерти, у нихъ существуютъ различныя воззрѣнія. Въ западной части материка полагаютъ, что души сидятъ на деревьяхъ и издаютъ жалобные звуки, но они могутъ спускаться оттуда и даже входить въ живыхъ людей. Въ Южной части Австраліи думаютъ, что души превращаются въ звѣзды, въ Новомъ Южномъ Валлисѣ, что онѣ живутъ на облакахъ. У многихъ племенъ распространено мнѣніе, что австралійцы послѣ смерти становятся бѣлыми людьми; нѣкоторые изъ туземцевъ въ пріѣзжихъ европейцахъ даже узнавали своихъ умершихъ родственниковъ. У австралійцевъ можно найти представленіе объ отдаленномъ островѣ на востокѣ или западѣ, служащемъ мѣстопребываніемъ душъ, и идею подземнаго жилища ихъ, въ видѣ пещеры. Душу они представляютъ себѣ крошечнымъ человѣческимъ существомъ, могущимъ пройти въ

игольное ушко. Повидимому, въ основу такого понятія легло наблюденіе надъ тѣмъ, что мелкое сѣмя даетъ начало крупному растенію; именно, сѣмя у нихъ называется „йитпи," а душа—„йитпи тукутійа," маленькое сѣмя. Душамъ умершихъ не приписывается большого вліянія на живыхъ; впрочемъ, иногда онѣ имъ оказываютъ услуги, посылая какую нибудь неожиданную удачу, напр., выкидывая кита на берегъ.

По сказаніямъ австралійцевъ, человѣкъ былъ созданъ слѣдующимъ образомъ: сперва Мура-мура (добрый духъ) создалъ черныхъ ящерицъ, а потомъ поставилъ ихъ надъ всѣми животными, придавъ ихъ лапамъ пальцы, утвердивъ на ихъ лицѣ носъ и отрѣзавъ у нихъ хвостъ для равновѣсія при хожденіи. Происшедшіе такимъ образомъ люди стали охотиться за эму; мясо его имъ очень нравилось, но слишкомъ быстрый бѣгъ птицы затруднялъ охоту. Замѣтивъ, что эму бѣгаетъ менѣе скоро, когда ему жарко, люди обратились къ Мура-мурѣ съ просьбою послать тепло на землю. Вслѣдствіе того явилось солнце.

Относительно происхожденія родовъ, у австралійцевъ также существуетъ легенда, будто, послѣ сотворенія міра, отцы, матери, братья, сестры и другіе родственники жили въ смѣшеніи между собой; вскорѣ обнаружились дурныя послѣдствія такого общаго сожительства, и старшіе обратились къ Мура-мурѣ съ просьбой помочь имъ. Въ отвѣтъ на ихъ просьбу, Мура-мура приказалъ раздѣлиться имъ на отдѣльныя вѣтви, изъ которыхъ каждая должна была обозначаться именемъ какого нибудь одушевленнаго предмета, напр., собаки, эму,

кенгуру, игуаны (ящерица), и члены которой не могли вступать въ бракъ между собой. Названія различныхъ животныхъ и другихъ предметовъ не служатъ только для простого обозначенія отдѣльныхъ родовъ: животныя или иные предметы, по которымъ называются роды, считаются естественными покровителями послѣднихъ (кобонгами). Если кобонгомъ бываетъ животное, его не позволяется убивать, за исключеніемъ случаевъ крайняго голода; растеніе, служащее кобонгомъ, можетъ быть выкопано только въ извѣстное время года.

Вслѣдствіе непрерывной близости къ природѣ и постояннаго обращенія съ естественными произведеніями своей страны, австралійцы знаютъ послѣднія, какъ нельзя лучше. Не только рѣки, горы, скалы и долины, но и каждое животное, каждая часть его тѣла, каждое растеніе имѣютъ особое названіе на языкѣ австралійцевъ. Австраліецъ знаетъ не только землю, но и небо: онъ обозначаетъ особыми именами созвѣздія, по которымъ онъ отыскиваетъ себѣ дорогу во время своихъ странствованій. Небо раздѣлено у него на восемь частей, и, соотвѣтственно имъ, онъ опредѣляетъ направленіе вѣтра. У австралійцевъ шесть временъ года, наступленіе которыхъ они узнаютъ по звѣздамъ: „маггоро“—зима, соотвѣтствующая нашему іюню и іюлю, „йильба“—весна, когда поспѣваетъ корень „джубакъ“ (изъ орхидей), „гамбарангъ“, когда строятся хижины и прилетаютъ птицы, „бирокъ“—лѣто, когда бываетъ много игуанъ и ящерицъ, „бурнуро“—осень, соотвѣтствующая нашему Февралю и марту, когда поспѣваетъ плодъ „бійю“ и „вунъ-ярангъ“,—соотвѣтствующій нашимъ апрѣлю и маю.

Уже миѳологія австралійцевъ является гораздо болѣе сложной и разработанной, чѣмъ это можно было предполагать у такой расы, которая не могла подвинуться даже до изобрѣтенія глиняной посуды. Чтобы объяснить подобную сложность австралійской миѳологіи, заключающей въ себѣ идеи высшихъ и низшихъ божествъ и безсмертія души, нѣкоторые ученые (напр., Герландъ) прибѣгали къ предположенію, будто нынѣшніе австралійцы—выродившіеся, одичавшіе потомки болѣе культурныхъ предковъ. Однако, для подтвержденія такого предположенія нѣтъ никакихъ доказательствъ. Остается допустить, что техническое несовершенство австралійцевъ указываетъ или на ихъ неспособность къ техникѣ, или на отсутствіе потребности въ усовершенствованіяхъ въ этой области. Техническая неумѣлость австралійцевъ не можетъ еще служить мѣриломъ ихъ общаго умственнаго развитія. Такъ еще болѣе богатымъ и сложнымъ является ихъ языкъ, сбивающій съ толку многихъ лингвистовъ. Въ австралійскомъ языкѣ четырьмя падежами болѣе, чѣмъ въ латинскомъ; кромѣ единственнаго и множественнаго, въ немъ встрѣчается и двойственное число. Глаголъ, столь же богатый формами, какъ и латинскій, имѣетъ окончаніе для двойственнаго числа, три родовыхъ формы для третьяго лица и, кромѣ дѣйствительной и страдательной, возвратную и взаимную формы. Въ этомъ смыслѣ австралійскій языкъ стоитъ не только выше полинезійскихъ языковъ, но и выше китайскаго. Предположить какое либо заимствованіе здѣсь нельзя уже потому, что австралійскій языкъ представляется совершенно само-

стоятельнымъ и изолированнымъ среди другихъ языковъ.

Австралійцы имѣютъ на своемъ языкѣ особыя названія для дѣтей мужскаго и женскаго пола отъ перваго до девятаго, и въ то же время они не могутъ пересчитать послѣдовательно далѣе 5. Послѣднее обстоятельство можетъ быть скорѣе всего объяснено отсутствіемъ потребности въ счетѣ. По разсказамъ путешественниковъ, австралійцы легко осваиваются съ англійскимъ языкомъ и даже читаютъ и пишутъ по-англійски, а это, безъ сомнѣнія, требуетъ несравненно болѣе сложной умственной работы, чѣмъ познаніе счета. Изобрѣтеніе бумеранга и вамеры, которые мы описывали выше, указываетъ, что австралійцы обладаютъ достаточной способностью къ механикѣ. Быть можетъ, бродячая жизнь, дѣлающая неудобной для переноски легко бьющуюся посуду, помѣшала австралійцамъ дойти до выдѣлки гончарныхъ издѣлій, встрѣчающихся по преимуществу у земледѣльческихъ и вообще осѣдлыхъ народовъ.

Хотя австралійцы не создали ничего подобнаго зулусскимъ сказкамъ и готтентотскимъ баснямъ, но они очень любятъ разсказы о своихъ народныхъ геройхъ, духахъ и чудовищныхъ животныхъ. Этими разсказами они часто наполняютъ свои вечера. Между ними попадаются довольно хорошіе разсказчики и говоруны. У австралійцевъ есть и пѣсни, въ которыхъ они выражаютъ свою любовь, грусть въ разлукѣ и т. п. Они кажутся очень монотонными, такъ какъ часто заключаютъ въ себѣ однѣ и тѣ же повторяющіяся фразы;

какъ примѣръ, приведемъ пѣсню, выражающую разлуку съ младшимъ братомъ:

Куда плыветъ одинокій корабль?
Я уже никогда не увижу моего любимца.
Куда плыветъ одинокій корабль? и т. д.

Австралійцы не чужды стремленія и къ пластическимъ искусствамъ, въ особенности къ живописи. Кромѣ раскрашиванія своего тѣла, о которомъ мы говорили, они расписываютъ свои щиты и мѣха (со стороны мездры). Они даже покрываютъ скалы и стѣны пещеръ изображеніями животныхъ (кенгуру, собаки, черепахи и проч.), также какъ и свою утварь (лодки, палицы и др.). Между этими изображеніями встрѣчаются и человѣческія фигуры. На известковыхъ скалахъ рисунки дѣлаются черной и красной красками; горныя породы другого цвѣта и стѣны пещеръ загрунтовываются красной охрой и по этому фону расписываются бѣлой глиной. Путешественники, видѣвшіе австралійскіе рисунки, хвалятъ ихъ вѣрность природѣ. По легендамъ австралійцевъ, мѣсяцъ посѣщаетъ пещеры, въ которыхъ находятся рисунки.

Среди австралійскаго населенія замѣчено нѣсколько нарѣчій, изъ которыхъ наиболѣе характерны сѣверное, южное и тасманійское. Въ юго-восточной Австраліи наиболѣе выдаются нарѣчія *камиларои* и *виратари*.

Эйръ дѣлитъ австралійскія племена на центральныя, сѣверо-западныя и восточныя, признавая въ каждомъ дѣленіи группу, связанную какими либо основными обычаями (въ родѣ выбиванія переднихъ зубовъ, обрѣ-

занія и т. п.). Всѣ австралійцы одинаково называютъ себя *юнъ-аръ* (люди).

Большинство этнографовъ, признавая за австралійцами нѣкоторую способность къ развитію и природный умъ, по крайней мѣрѣ извѣстныхъ индивидуумовъ, тѣмъ не менѣе, помѣщаютъ австралійцевъ на низшей ступени современной культуры. Такой тонкій наблюдатель, какъ Дарвинъ, не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ, и мы тоже оспаривать его не будемъ. Для насъ не можетъ имѣть большого значенія—кто стоитъ ниже въ культурномъ отношеніи—австралійцы, жители Огненной Земли или африканскіе бушмены? Безъ сомнѣнія, австралійцы стоятъ достаточно низко на культурной лѣстницѣ, такъ какъ они не могли подняться ни до земледѣлія, ни до выдѣлки глиняной посуды. Тѣмъ не менѣе, мы видѣли, что у нихъ можно найти всѣ стороны культуры въ извѣстномъ, хотя бы и зачаточномъ развитіи, которое возрастаетъ по мѣрѣ ихъ потребностей. Для насъ весьма важно убѣдиться въ томъ, что и эта отчужденная отъ всего человѣчества и обездоленная природой раса не только съумѣла одержать побѣду въ борьбѣ за существованіе, но и съумѣла выработать всѣ необходимыя для нея жизненныя приспособленія, миѳологію, языкъ и общественное устройство.

Казалось бы, австралійцы, какъ естественный продуктъ своего материка, имѣютъ на него неотъемлемое право. Они уже достигли столь многихъ результатовъ своими собственными силами, при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, что, вѣроятно, могли бы до извѣстной степени усвоить себѣ и высшую культуру, оста-

ваясь при этомъ хозяевами своей страны. Однако, подобно тому, какъ кенгуру долженъ уступать свое мѣсто высшимъ животнымъ, и темному австралійскому дикарю предстоитъ исчезнуть передъ наступленіемъ бѣлаго человѣка. Уже самое соприкосновеніе съ представителями высшей культуры невыгодно и даже гибельно для представителей низшей. Вообще, европейцы не столько вносятъ благосостоянія и просвѣщенія въ среду дикарей, сколько прививаютъ къ нимъ болѣзни и пороки. Это въ особенности можно сказать о тѣхъ европейцахъ, которые явились къ австралійцамъ. Они прямо истребляли ихъ, отнимая у нихъ землю, лишая ихъ тамъ средствъ къ существованію и не останавливаясь даже передъ убійствомъ. Вслѣдствіе того, дикари доходили до полнаго отчаянія и обезсиленія, что̀ выражалось усиленной смертностью и уменьшеніемъ числа рожденій. Въ такой неравной борьбѣ, австралійцы могутъ надѣяться уцѣлѣть только въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя по своимъ климатическимъ условіямъ окажутся недоступными для европейцевъ. Въ настоящее время юго-восточная часть Австраліи имѣетъ большіе города европейскаго образца—Мельбурнъ, Сидней и др., прорѣзана сѣтью желѣзныхъ дорогъ и вмѣщаетъ въ себѣ всѣ удобства европейской жизни. Луга въ этой области обращены въ пастбища для многочисленныхъ стадъ рогатаго скота, мясо котораго составляетъ крупный предметъ вывоза. Плодородныя земли все болѣе и болѣе распахиваются, и австралійскій хлѣбъ обѣщаетъ вскорѣ занять видное мѣсто на всемірномъ рынкѣ. Множество фабрикъ разработываютъ другіе продукты

страны, и австралійскія промышленныя произведенія давно уже появляются и обращаютъ на себя вниманіе на всемірныхъ выставкахъ. Тамъ можно видѣть не только консервы изъ мяса и пшеницу, но и австралійское вино. Австралійскому дикарю, охотящемуся за кенгуру съ копьемъ, наконечникъ котораго сдѣланъ изъ плохо обтесаннаго кремня, разумѣется, приходится отступать въ глубину своихъ зарослей передъ надвигающимися на него локомотивами и локомобилями. Въ будущемъ ему предстоитъ уединиться въ непривлекательныхъ для европейца мѣстахъ, подобно аборигенамъ Индіи, или исчезнуть безъ слѣда, подобно тасманійцамъ, о которыхъ мы скажемъ здѣсь нѣсколько словъ.

Тасманійцы жили на островѣ Тасманія, составляющемъ южное продолженіе Австраліи и называвшимся прежде Ванъ-Дименовой землей. Они исчезли еще такъ недавно, на нашихъ глазахъ, что о нихъ упоминается во всѣхъ учебникахъ этнографіи на ряду съ нынѣ существующими народами. Опредѣлить ихъ мѣсто въ этнологической классификаціи не совсѣмъ легко. Одни этнографы (Фр. Мюллеръ и др.), въ виду сходства языка, сближаютъ ихъ съ австралійцами; другіе (напр. Тэйлоръ) считаютъ ихъ рѣзко отличающимися отъ австралійцевъ и причисляютъ ихъ къ папуасамъ. Дѣйствительно, волосы тасманійцевъ, сравнительно съ волосами австралійцевъ, принадлежатъ къ совершенно другому типу: они шерстисты и наклонны рости въ формѣ спирали и пучками, какъ у папуасовъ или негровъ. Тасманійцы отличались также меньшей длинно-

головостью и меньшимъ косозубіемъ. Фр. Мюллеръ пытается примирить такое противорѣчіе лингвистическихъ и антропологическихъ признаковъ предположеніемъ о смѣшанной крови тасманійцевъ, которые будто бы произошли отъ соединенія австралійцевъ и папуасовъ, причемъ получилъ преобладаніе физическій типъ послѣднихъ. По его мнѣнію, папуасы могли попасть въ Тасманію изъ Новой Каледоніи.

Тасманійцы описываются въ видѣ темнокожихъ, почти черныхъ людей, съ черными или очень темными шерстистыми волосами. Носъ ихъ былъ широкъ при основаніи и нѣсколько вдавленъ въ верхней части; верхняя губа была очень длинна; большой ротъ придавалъ имъ нѣсколько животное, но въ тоже время добродушное выраженіе; въ общемъ, черты лица ихъ не казались безобразными. Ростъ ихъ подходилъ къ нашему понятію о среднемъ ростѣ. Они стояли приблизительно на культурной ступени южныхъ австралійцевъ и даже нѣсколько ниже послѣднихъ, такъ какъ у нихъ не было ни бумеранга, ни вамеры. Оружіе ихъ ограничивалось копьемъ, заостреннымъ на огнѣ, и палицей, служившей метательнымъ орудіемъ. Они умѣли приготовлять изъ камня только молотки, которые они всаживали въ расщепленную рукоятку или прикрѣпляли къ ней посредствомъ смолы и лыка. Женщины ихъ умѣли плести изъ лыка и мочалы сѣти и корзины. Одежда и жилища у нихъ были такія же, какъ у южныхъ австралійцевъ, т. е. они ходили обнаженными, защищаясь отъ холода шкурами кенгуру, и жили въ шалашахъ изъ древесныхъ вѣтвей. У нихъ была боль-

шая склонность рисовать фигуры углемъ. Своихъ мертвецовъ они сжигали и, повидимому, вѣрили въ загробную жизнь. Всѣ, кому приходилось жить среди нихъ, изображаютъ ихъ добродушными и миролюбивыми людьми. Такъ, съ своими женами они обращались мягче австралійцевъ. Путешественники довольно выгодно отзывались объ ихъ умственныхъ способностяхъ, въ особенности о способности подражанія. Дѣти тасманійцевъ иногда превосходили своими успѣхами дѣтей бѣлыхъ въ Гобарттаунской школѣ. Тасманійцы не столько угасли сами по себѣ, вслѣдствіе вырожденія, сколько были систематически истреблены англичанами.

Фр. Мюллеръ причисляетъ къ австралійцамъ и жителей острововъ Мельвилля, Батёрста и Принца Уэльскаго.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Глава I. Океанія.—Австралія.—Изслѣдователи Австраліи.—Фигура ея.—Ея естественныя условія.—Бѣдность растительнаго и животнаго міра.—Человѣкъ въ Австраліи.—Австралійская раса.—Различія физическаго типа. . . . . 5.

Глава II. Физическіе признаки австралійцевъ.—Ихъ разнообразіе.—Типическія описанія.—Одежда и жилища.—Пища.—Приготовленіе и отыскиваніе ея.—Охота.—Охотничье оружіе. — Хозяйственныя орудія . . . . . 15.

Глава III. Общественный строй австралійцевъ.—Начало родовой системы.—Родовые участки земли.—Взаимная защита членовъ рода.—Характеръ австралійцевъ.—Войны.—Празднества. — Пляски. — Украшенія.—Бракъ.—Дѣтоубійства. . . . . 33.

Глава IV. Вѣрованія австралійцевъ. — Колдовство.—Погребеніе умершихъ.—Загробная жизнь.—Миѳы о созданіи человѣка. — Познаніе природы. — Умственное развитіе.—Искусство. — Вѣроятное будущее.—Тасманійцы . . . . . 45.

37 О холерѣ и предохраненіи себя отъ нея, ц. 5 к.
38 Возвращенный преступникъ, ц. 3 к.
39 Максимъ самоучка, разсказъ изъ народной жизни, ц. 8 к.
40 Первая помощь въ несчастн. случаяхъ до прих. лѣкаря, ц. 6 к.
41 Король Лиръ, Шекспира, съ большими карт., 2-е изд., ц. 8 к.
42 Какъ люди научились писать, ц. 8 к.
43 День въ римскомъ циркѣ, ц. 7 к.
44 Одюбона. Приключенія въ американскихъ лѣсахъ, 1—8 вып. по 3 к. за экз., за всѣ ц. 24 к.
45 Бунтъ въ океанѣ или Питкэрнскіе заговорщики, ц. 6 к.
46 Первое плаваніе капитана Форстера, ц. 7 к.
47 Малорусскія сказки, вып. 1, ц. 3 к.
48 Тоже, вып. 2, ц. 3 к.
49 „ „ 3, ц. 5 к.
50 Кокорева, Саввушка, ц. 20 к.
51 Успенскаго, Сельскій портной, ц. 7 к.
52 Его-же, Пономарь Савельичъ или деревенскія сироты, ц. 6 к.
53 Русскіе хлѣба, ц. 10 к.
54 Несгораемыя постройки, ц. 10 к.
55 „ „ крыши, ц. 10 к.
56 Простое сердце, раз. Флобера, ц. 10 к.
57 Загадки русскаго народа, ц. 6. к.
58 Между добрыми и злыми (изъ Диккенса), ц. 10 к.
59 Разведеніе ивы и плетеніе корзинъ, ц. 10 к.
60 Русское плодоводство, съ рис., ц. 30 к.
61 Уходъ за скотомъ, съ рис., ц. 15 к. с.
62 Могучій Самсонъ, Елиз. Оржешко, ц. 7 к.
63 Крылья Мужества, соч. Жоржъ Зандъ, ц. 15 к. с.
64 Донъ Кихотъ, съ рис., ц. 15 к.
65 Разсказы Андерсена, вып. 8, 9 и 10, по 5 к.
66 Миньона, соч. Гёте, ц. 10 к.
67 Плутархъ—Александръ Македонскій съ порт., ц. 30 к.
68 Плутархъ—Юлій Цезарь съ карт., ц. 25 к.
69 Взятіе Константинополя (Царь-Града) Магометомъ II-мъ, соч. Гиббона, ц. 15 к.
70 Завѣщаніе Мавра (Араба), соч. В. Ирвинга, ц. 10 к.
71 Разсказы изъ Миѳологіи для дѣтей: 1) Голова Горгоны, 2) Золотое Прикосновеніе, 3) Дѣтскій Рай, 4) Чудесная Кружка (Филимонъ и Бавкида), 5) Похожденіе Прозерпины, 6) Золотое Руно, ц. по 10 к.
72 Сказки Перро, съ предислов. И. С. Тургенева, ц. 30 к.
73 Грибоѣдова „Горе отъ ума“ съ примѣч. и статьями Гоголя и Пушкина, ц. 10 к.
74 Котъ въ сапогахъ, съ карт., ц. 10 к.

Письма адресовать на имя В. Н. Маракуева.

„НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА"

В. Н. МАРАКУЕВА

Москва, Петровскія Линіи, № 15.

СЕРІЯ КНИГЪ

ПО ЭТНОГРАФІИ:

1. Жизнь Африканскихъ народовъ, съ картой, ц. 50 к.
2. Э. Реклю. Иноиты: Эскимосы и Алеуты, ц. 30 коп.
3. Э. Реклю. Мѣсто Семитскихъ народовъ въ исторіи цивилизаціи, ц. 20 к.
4. Народы Океаніи: а) Австралійцы, б) Меланезійцы, в) Полинезійцы.
5. Народы Индостана: а) Наиры—военная аристократія, б) Горные жители—Нильгери или Голубыхъ горъ, в) Бенгальскіе Колары.
6. Наши сосѣди: Болгары.
7. Норвегія и Швеція—крестьянское царство.

КАТАЛОГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

2010512616